

у Финляндского вокзала. Здесь было приостановлено движение по всей линии, соединяющей Выборгскую сторону с центром Петербурга.

Около Литейного моста рабочие искорючили и опрокинули трамвайный вагон. Ст. Выборгской стороны демонстранты прошли на Сампсониевский проспект, где к ним присоединились новые толпы забастовавших рабочих. Начались новые нападения на трамвайные вагоны. Рабочие разбивали стекла, коверкали моторы, выбрасывали контрольные ручки и переключатели проводов.

Несколько сот человек в продолжение получаса возились над одним вагоном, пытаясь свалить его с моста в воду. Примчавшийся отряд казаков расстрелял рабочих.

Остановка трамвайного движения приостановила поездку по всем частям города одновременно. Около 12-ти часов дня было прекращено движение по линии Литейной. Рабочие кричали публично:

— Выдайте, если не хотите лезть на мостовую.

При малейших попытках протеста толпа в несколько сот человек начала расквашивать и потом опрокидывала вагоны.

Так было повозлено около 12-ти вагонов, представлявших жалкую картину разрушения и хаоса. Искорюченные, с разбитыми стеклами, опутанные проводами, вагоны загромождали путь.

В 4-м часу дня рабочие беспорядочно стали принимать новые формы. В виду того, что трамвайное движение охранялось уже усиленными нарядами полиции, забастовщики стали собираться тысячами толпами на окраинах и сожигали переправы, при разбитых красных флажках, направлялись в центральный район.

Особенно значительная демонстрация, в которой приняло участие около 6,000 человек, произошла около Путиловского завода. Рабочие, с обнаженными головами, стройными рядами двинулись по шоссе с пением революционных гимнов. Впереди шли знаменосцы.

Возле Ново-Дельвичего монастыря показались отряды казаков. Офицер приказал готовиться к стрельбе. Выстрелы, однако, не последовало, так как демонстранты разбежались.

Одновременно происходили большие демонстрации на Васильевском острове. Тысячи толпы с красными флагами двинулись по Среднему проспекту. В шестой участвовало много женщин.

Долги безразличности до набережной, рабочие, увидя мчавшихся казаков, разошлись.

В это же время с другой стороны появились новые толпы, которые пытались проникнуть на Николаевский мост. Однако, правая сторона Невы была занята спешившимися казаками.

Казаки не допустили рабочих к мосту и разогнали их по разным направлениям. Во время преследования рабочие осыпали казаков камнями.

На Большом проспекте произошло новое столкновение. Демонстранты бросились на полицию с целью отбить семь арестованных товарищей. Тряхнув рабочих, действительно, удалось отбить; остальные же под усиленным конвоем отправлены в участок.

Пока не удалось выслать количество жерств от столкновений с казаками на Сампсониевском проспекте, близ завода Лессера, которое произошло послѣ 4-х часов дня. Забастовщики, переходя от завода к заводу, снимали рабочих местных предприятий.

Примчавшийся отряд казаков врѣзался в толпу на проспекте, пытаясь разбить ее на несколько частей. В казачьи послылись камни. Офицер «смониторил»: «Нич!»

В 6 часов вечера к забастовке примкнули все служившие трамвая. Движение по всем линиям прекратилось. — В эти забастовки в типографиях: «Речь», «Современное Слово», «День» и «Петербургский Курьер».

Забастовки в Москве.

8 июля продолжались забастовки протеста, объявленная навару на фабриках и заводах послѣ 6-ти часов утра. На некоторых заводах и фабриках забастовали только 8 июля. Число забастовавших рабочих не поддается точному учету: большая часть заводов и фабрик забастовала третьего дня утром, и так как забастовка была объявлена одновременно, то утром работы должны были возобновиться, но на некоторых заводах и фабриках работы не возобновились, потому что день 8 июля считается во многих промышленных предприятиях праздничным, нерабочим днем. С другой стороны, некоторые из заводов и фабрик, работающие в этот праздник, однако 8 июля не работали, так как на заводы рабочие объявили однодневную забастовку протеста послѣ 6-ти часов утра. Сторон забастовки кончался лишь 8 июля послѣ 6-ти часов. В некоторых же предприятиях 8 июля бастовали отделившиеся рабочие на заводы. По приблизительному подсчету, 8 июля бастовали 12—13 тысяч рабочих.

По приблизительному подсчету, 8 июля, как передает «Рус. Вѣд.», вновь забастовало около 7,000 чел.

Совершенно неожиданно для публики и для городской управы с утра приостановилось в Москве движение электрика сага трамвая вследствие забастовки рабочих, занятых на городской центральной электрической станции. Забастовка была настолько неожиданна, что сначала сами вагоновожатые и кондукторы не знали причин остановки движения и на вопросы публики, почему стали трамваи, отвечали что идет тока, или что на центральной станции есть какая-то неисправность.

По свидѣніям городской управы, утром около 8-ми часов, когда пошла смена на центральной станции кончила свою работу и пришла новая смена, было устроено рабочими короткое совещание, послѣ которого они заявили о своем намерении идти на работу.

Администрация станции сообщила об этом по телефону управляющему городской желѣзными дорогами М. К. Поливанову, который немедленно прибыл на станцию. Рабочие отказались сначала следовать с М. К. Поливановым, а по-

томъ заявили, что к администрации трамвая никаких претензий не имеют, но работать до 8 час. утра следующего дня не будут из-за сочувствия к своим петербургским товарищам.

На просьбу управляющего городскими желѣзными дорогами дать возможность убрать по крайней мѣрѣ вагоны трамвая с улиц в парк рабочие согласились, и некоторое время для этого представляли, послѣ чего работы на станции совершенно прекратились, и токъ быстро изсекъ. Успѣли убрать в парк только около 350 вагонов; около 450 вагонов осталось стоять на путях. Бастует на станции около 300 чел. Убыток от прекращения движения трамвая за день исчисляется упрямой в 42 тыс. руб.

Вследствие забастовки центральной электрической станции многие улицы вечером не были освещены.

Забастовки.

По свидѣніям «Русск. Св.», забастовочное движение среди рабочих за 8 июля представляется в слѣдующем видѣ.

В Ригѣ состоялся ряд летучих сколов рабочих, рившихся объявить однодневную забастовку.

Всего бастует свыше 18,000 рабочих.

В Харьковѣ заводы продолжают бастовать. Рабочие крупного машиностроительного завода Гельферих-Садэ утром оставили работы и толпой направились к паровозостроительному заводу, но были разсыпаны полицией. Есть арестованные.

В Екатеринодарѣ въ знак протеста противъ событий въ Петербургѣ и Баку забастовали на одинъ день 5,000 рабочихъ местныхъ фабрик, заводовъ и типографій.

Газеты не вышли.

В Одессѣ въ рабочихъ кругахъ началось брожение.

Съ утра на некоторыхъ фабрикахъ, преимущественно мебельно-столярныхъ, рабочие забастовали.

Забастованные не предъявляли никакихъ требований, заявляя, что бастуютъ въ знакъ сочувствія къ петербургскимъ и бакинскимъ рабочимъ. До 6-ти часовъ забастовали фабрики Кайзеръ, Зибке и Воронцовъ. Рабочие толпой направились на другія фабрики снимать рабочихъ и устроили демонстрацию. Наряды полиции/демонстранты были разсыпаны. В рабочихъ кварталахъ настроеніе тревожное. Произведены аресты.

В связи съ забастовкой, по городу разбѣжались казачья патрули.

Днемъ большая группа рабочихъ пыталась проникнуть на центральные улицы, а затѣмъ направились снимать рабочихъ на песчубажную фабрику Левинсона, въ газетной типографіи и мелкія мастерскія. Мирами полиция рабочие разсыпала. Въ вечеръ началось частичная забастовка ремесленниковъ. Забастовали рабочие крупныхъ сапожныхъ мастерскихъ. На фабрикахъ и заводахъ вынесены резолюции протеста.

Некоторые изъ арестованныхъ рабочихъ подвергнуты градоначальникомъ, въ административномъ порядкѣ, аресту на 3 мѣсяца за подстрекательство къ забастовкѣ.

В Баку въ знакъ сочувствія къ требованиямъ бастующихъ промышленныхъ рабочихъ забастовали рабочие городского опубличнаго, арендуемаго фирмой Артуръ Коппель.

Забастовали рабочие биби-заводской станции «Электрическая сила», подающей энергію городу.

Объявили 2-дневную забастовку 600 рабочихъ Каспійскаго завода.

В Бѣломъ городѣ, на заводѣ Ланцова, прекращена выдача воды бастующимъ рабочимъ.

Въ отвѣтъ на это рабочие прекратили подачу электрической энергіи администраціи завода.

Предписаніе Св. Синода.

Не такъ давно въ газетѣ сообщалось, что въ г. Самарѣ при открытіи ресторана-пантана духовенство совершило молебствие, во время котораго пѣли хоромъ, и благословляли иконы отъ отдаленныхъ епархій и общій застѣ пантана. Синодъ потребовалъ послѣ этого отъ мѣстной епархіальной консисторіи свѣдѣній по этому поводу. Въ связи съ этимъ Св. Синодъ, какъ передаетъ «Гол. Мос.», предписываетъ обратиться ко всемъ епархіальнымъ съ предписаніемъ запрещать священнослужителямъ служить благодарственнымъ молебствиямъ при открытіи во вѣршенныхъ или епархіальныхъ разнаго рода пантановъ и противъ противныхъ христианскому духу увеселительныхъ заведеній.

Открытие шлюзовой системы Донца.

Изъ ст. Каменистой «Правит. Вѣстн.» телеграфируютъ, что шлюзование Донца окончено. Работы обошлись около 5 милл. р. Сооружено шесть шлюзовъ. Донцы судоходны на протяжении около двухъ сотъ верстъ. На торжество открытия шлюзовъ прибылъ министръ путей сообщенія Рукавова въ сопровожденіи начальника управления водныхъ путей и шоссейныхъ путей князя Шаховскаго. Министръ перерѣзалъ ленту, послѣ чего, при звукахъ гимна, былъ произведенъ пропускъ судовъ въ шлюзы. Послѣ продолжительной рѣчи о значеніи водныхъ путей, забывая въ теченіе пятидесятилѣтня, министръ выразилъ надежду, что совместно съ желѣзнодорожными путями водные пути обогатятъ юго-востоку, и въ заключеніе предложилъ послать телеграмму Государю Императору съ выраженіемъ вѣрнопоклонническихъ чувствъ. Предложеніе это встрѣчено шумнымъ одобреніемъ. Присутствовавшие на торжествѣ члены Государственной Думы Воронковъ и Назаровъ сердечно приветствовали багряны значанія министерства въ области экономическаго развитія Донского края. Прибыли изъ многихъ станцій и хуторовъ депутаты также выражали министру глубокую благодарность за шлюзование Донца.

Иностранные журналисты въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ по случаю франко-русскихъ торжествъ прибыли, по словамъ «Нов. Вр.», болѣе двадцати журналистовъ и фотографовъ.

Среди нихъ находились представители французской печати въ Петербургѣ: журналисты «Матин», заведующій политическимъ отдѣломъ газетъ г. Жюль Гедеманъ и постоянный корреспондентъ «Le Journal» Людовикъ Ноде.

Г. Жюль Гедеманъ находится почти въ

постоянныхъ странствованіяхъ, такъ какъ редакция газетъ его командуетъ, какъ только случается гдѣ бы то ни было выдающееся событіе.

Въ Петербургѣ г. Жюль Гедеманъ «свой человекъ». За послѣдніе годы онъ бывалъ въ нашей столицѣ много разъ. Онъ между прочимъ, прѣѣзжалъ сюда, когда г. Пуанкаре посѣтилъ нашу столицу, въ качествѣ президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ настоящее время г. Жюль Гедеманъ, посылая своей газетѣ пространныя депешы, въ которыхъ красной нитью проходитъ его искренній симпатія къ Россіи и приверженность къ франко-русскому союзу.

Людовикъ Ноде, выдвинувшись на первый планъ въ качествѣ явлаго публициста во время русско-японской войны, также неоднократно посѣщалъ русскую столицу, гдѣ у него много друзей какъ съ журналистскихъ, такъ и въ другихъ кругахъ.

Выѣстъ съ президентомъ на крейсера «Гаваса» одинъ изъ директоровъ агентства «Гаваса» г. Понювѣ.

Эти прѣстѣнные журналисты считаются специалистами по путешествіямъ. Они между прочимъ, сопровождаютъ покойника Феликса Фора въ Россію, и когда возникнетъ вопросъ, должнъ-ли г. Понювѣ ѣхать на крейсерахъ въ главѣ государства, то Феликсъ-Форъ шутя замѣтитъ:

— Я не могу себя представить президентскаго путешествія безъ Понювѣ!

Директоръ агентства Гаваса уже давно поддерживаетъ съ г. Пуанкаре самыя дружественныя отношенія. Во время пути президента постоянно находился въ общеніи съ прѣстѣнными журналистами, никогда не знающимъ ни отдыха, ни усталости.

Г. Понювѣ сопровождалъ г. Пуанкаре, когда онъ прѣѣзжалъ въ Петербургъ въ качествѣ главы французскаго правительства. Онъ былъ также съ президентомъ и въ Англіи.

Массовое отравленіе рабочихъ.

8 июля въ Петербургѣ, по словамъ столическихъ газетъ, въ свѣтлѣмъ отдѣленіи Невскаго стариннаго завода три рабочихъ неожиданно упали у станковъ.

Какъ только ихъ вынесли въ пріемный покой завода, въ томъ же отдѣленіи въ разныхъ мѣстахъ въ суровыхъ забавились десятки женщинъ. На заводѣ были вызваны врачи и фельдшеръ. Всего заболѣло 30 женщинъ. 15 изъ нихъ отправлены въ ближайшій больницу, а остальные оставлены при амбулаторіи завода. Изъ опроса заболѣвшихъ удалось выяснить только, что онѣ почувствовали сильную тошноту, рѣзъ въ желудкѣ и приступъ рвоты. На заводѣ немедленно прибыли члены фабричной инспекціи, судебныя власти и мѣстная полиція. Осмотръ помѣщенія не далъ никакихъ результатовъ.

Предупрежденіе Императорской Николаевской военной академіи.

Въ «Русскомъ Нивалдѣ» напечатано: Офицерамъ, нѣмущимъ въ виду присутствія въ Императорскую Николаевскую военную академию, разсматривая частными лицами объявленія, въ которыхъ группа офицеровъ, окончившихъ военную академию, предлагаютъ свое руководство въ цѣляхъ подготовки по разнымъ предметамъ къ пріемнымъ экзаменамъ въ названную академию. За такіе услуги лица, разсматривая указанная объявленія, назначаются очень большую цѣну, по каждому предмету отдѣльно, а за руководство по всемъ предметамъ 650 руб. и по заключенію въ академию еще 100 р. Императорская Николаевская военная академія заявляетъ, что такая предложенія никакого отнѣшенія къ академіи не имеютъ, и совѣтуетъ гг. офицерамъ, желающимъ поступить въ академию, къ такимъ услугамъ не прибѣгать.

Случай въ курьерскомъ поѣздѣ.

Въ курьерскомъ поѣздѣ Граница-Петербургъ 7 июля произошелъ случай, напоминающій въ меншихъ размѣрахъ, известнѣйшій случай съ драгоманомъ Петровымъ.

Журналистъ Ф., затравкавшаго въ вагонѣ-ресторанѣ № 22624 международнаго общества спальныхъ вагоновъ, оставшихъ недовольныхъ подаваемымъ ему счетомъ, пожелавъ, какъ сообщаетъ «Речь», написать жалобу на прѣдложенное имъ въ корректной формѣ требованіе дать бумагу для написанія жалобъ, послѣдовавъ отказъ въ отнесеніи рѣзкой формѣ. Когда же г. Ф. жалобу написалъ на оборотной сторонѣ счета и хотѣлъ опустить ее въ жалобный ящикъ, то старшій офиціантъ № 2025 сталъ извѣщать надъ нимъ въ присутствіи несколькихъ пассажировъ.

Г. Ф. не желая пререкаться съ лакеемъ, хотѣлъ выйти въ сопровожденіи своего брата изъ вагона-ресторана. Но какъ только онъ вышелъ изъ столовой въ коридоръ вагона, за нимъ бросились всѣ офиціанты, во главѣ со старшимъ, именующимъ себя хозяйникомъ ресторана (№ 2025). Послѣдній крикнулъ: «Заприте двери, не выпускайте ихъ!» Двери моментально были заперты, и братья Ф. были окружены офиціантами, которые стали угрожать наступать на нихъ, крича, что онѣ не позволяютъ себя оскорблять. Старшій офиціантъ № 2025 захватилъ и пытался ударить журналиста Ф. Ударъ былъ предпринятъ братомъ послѣднего, схватившаго офиціанта за руку.

Въ виду того, что выходъ изъ вагона-ресторана былъ отрубленъ, гг. Ф. должны были искать спасенія въ ресторанѣ. Они повернули назадъ въ столовую, прѣдставителямъ вагона офиціантовъ, одинъ изъ которыхъ (№ 2375) все время кричалъ: «Вѣй ихъ, что съ ними разговаривать!» Въ ресторанѣ офиціанты, желая, повидимому, добиться сочувствія другихъ пассажировъ, продолжали кричать, что гг. Ф. оскорбили ихъ «при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей». Двое изъ четырехъ пассажировъ, г. Шелевскій и г. Штергеръ, тутъ же заявили желаніе выступить свидѣтелями безобразнаго поведенія служащихъ вагона-ресторана, другіе же двое уклонились отъ этого подъ предлогомъ, что онѣ, какъ иностранцы, плохо понимаютъ русскій языкъ.

На станціи Луго по требованію братьевъ Ф. былъ составленъ протоколъ, при чемъ лакей вагона-ресторана заявилъ, будто гг. Ф. оскорбили ихъ, когда лакей находился при исполненіи служебныхъ обязанностей. Никто изъ вышеуказанныхъ свидѣтелей, однако, этого не подтвердилъ.

Дѣло Генриетты Кайо.

Второй день дѣла Генриетты Кайо начались, какъ передаетъ «Русск. Слово», въ 10 часовъ утра, въ залѣ сѣдѣній въ редакціи «Figaro».

Всѣ они присутствовали уже извѣстныя обстоятельства дѣла и утверждали, что Кайо не говорила фразы: «Внесите г-жу Кайо».

Обвиненіемъ возражаетъ: — Однако, въ нашей пріемной я сразу получила со стужа, когда мнѣ нужно было идти въ кабинетъ Кайо, не ожидая нашего прихода. Сказала я это потому, что слышала фразу Кайо.

— Внесите г-жу Кайо. Развѣ вы этого не помните?

Поль Бурже рисуетъ картину разлагающейся въ редакціи «Figaro» драмы. Въ его присутствіи Кайо пошла интимная карточка Генриетты Кайо, и Кайо сказала ему:

— Ко мнѣ пришла г-жа Кайо.

— Вы ее примете? — спросилъ Поль Бурже.

— Конечно, — отвѣтила Кайо, — вѣдь это — я.

— Какъ только, — продолжаетъ дальше Бурже, — за г-жой Кайо закрылись двери кабинета Кайо, тамъ послѣдними выскочили. Поднялся суматоха, начали обѣщать сотрудничать, служили. Г-жа Кайо, съ браунингомъ въ рукахъ, сказала что-то. Кайо, это была фраза. Но Франціи изъ прасуды. И свирѣпѣла его».

Однако, тоничъ выраженій Генриетты Кайо Бурже признать не можетъ. — Скажите, свидѣтель, — обращается къ Бурже Лабри, — вы услышали сначала одинъ выстрѣлъ, а затѣмъ послѣ интервала другіе, или же одинъ разъ выстрѣлъ, безъ интервала, одинъ за другимъ?

Отвѣтъ свидѣтеля на этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе. Французъ имѣетъ ту особенность, что развѣ только нажать его курокъ, то онъ сразу стрѣляетъ выстрѣломъ, развѣ что, автоматически. Между тѣмъ, Генриетта Кайо имѣла въ виду, будто она слышала въ кабинетѣ, чтобы уйти, и когда увидѣла, что первымъ выстрѣломъ онъ только развѣ, снова начала стрѣлять.

Бурже на вопросъ Лабри отвѣчаетъ: — Выстрѣлы слышались безъ интервала, одинъ за другимъ.

— Скажите, свидѣтель, — обращается затѣмъ Лабри къ Бурже, — какъ вы смотрите на присутствіи Кайо, опубликованнаго интимнаго письма?

— Многотѣнная дружба связывала меня съ Кайо, — отвѣчаетъ Бурже, — и я знаю, что перѣлъ нѣмъ стала дилемма: или отказаться отъ исполненія своего долга передъ обществомъ, или прибѣгнуть къ пріему, внушающему ему отращеніе. Вспоминаю, вѣдь въ этотъ день, когда я стоялъ въ кабинетѣ Кайо, въ тридцать дѣтъ своей карьеры журналиста и впервые оглашаю интимное письмо безъ согласія тѣхъ, кто его писалъ и кому оно писано. Мнѣ это претитъ, но долгъ передъ родной провинціей чувствомъ стѣла».

Высказавъ свой взглядъ на интимнаго романа, Лабри медленно достаетъ изъ портфеля книгу-то книгу.

Поль Бурже съ некоторымъ смущеніемъ глядитъ на обложку этой книги, индично, стараясь прочесть ее заголовкомъ. — Любезно, — говоритъ Бурже, — я долженъ вамъ разсказать Лабри. — Я отношусь съ огромнымъ уваженіемъ къ нашему литературному таланту и хочу кое-что процитировать изъ этого вашего романа. Ситуация здѣсь та же самая, что въ нашемъ дѣлѣ. Рѣчь идетъ о возможной отдаленности интимныхъ писемъ. Мнѣ хочется напомнить, что писатель, заставляя со слѣдующей тирадой нашей героини.

Лабри читаетъ: — ...Какъ? Вы огласите интимныя письма, вернется въ свѣтъ святыя чужой жизни? Это гнусно, это чудовище, итъ слово, чтобы заставить таковыя письма писаться и гласности».

Лабри читаетъ эту тираду съ пафосомъ, возмущеніемъ.

Бурже извѣщаетъ, какъ ужасенный дѣйствіемъ. — Литература — не жизнь! — отвѣчаетъ онъ запылочно.

Инцидентъ производитъ огромное впечатлѣніе. Среди присутствующихъ движенье.

Заподозрѣнная помощь.

При допросѣ сотруднички «Figaro» выясняется слѣдующее обстоятельство. Когда въ раненому Кайо помогалъ офицеръ, сотрудникъ, среди нихъ былъ врачъ Понсоне. Лабри спрашиваетъ Понсоне: — Что вы сказали, чтобы остановить потерю крови?

— Я — главный работникъ, — отвѣчаетъ Понсоне. — Давлю свой и получаю десять дѣтъ названъ. Никогда не практиковалъ и потому не могъ взять на себя отвѣтственности. Мы вызвали докторъ Реймона и другихъ. Конечно, пока они прѣѣхали, прошло много времени.

Хладнокровныя убійцы.

Всѣ другіе сотрудники «Figaro» въ одинъ голосъ утверждаютъ, что Генриетта Кайо не была своей спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Это — дѣйствіе-мотивъ ихъ показаній.

Одинъ изъ сотрудниковъ, Бузентъ, бескомпромиссно въ пріемномъ салонѣ съ двумя лицами о моткахъ рисункахъ, которые должны были появиться въ «Figaro», категорически удостоверяетъ, что Генриетта Кайо не была охвачена своимъ безуміемъ, не говорила.

На то Генриетта Кайо не могла категорически и очень энергично заявлять: — Нѣтъ, мы говорили объ этихъ документахъ.

Свое вѣдѣніе спокойствіе Генриетты Кайо объясняютъ такъ: — При мнѣ, — говоритъ она, — бросались въ телефонъ, и я слышала, какъ всѣмъ говорили, что Кайо легко ранено. То же самое говорили и всѣ окружающіе меня. У всѣхъ на устахъ была эта фраза, и только только, услышавъ, въ торжѣ, и узнала о роковомъ исходѣ.

Портфель Кайо.

Лабри вѣсело добываетъ узнать отъ сотрудниковъ, что стало съ портфелемъ Кайо, не могли ли исчезнуть изъ него какіе-либо документы.

На этотъ вопросъ никто изъ сотрудниковъ опредѣленнаго отвѣта дать не могъ.

Въ виду общей растерянности, никто особаго вниманія на портфель не обратилъ.

Жозефъ Кайо.

Затѣмъ слѣдуетъ появленіе у публики свидѣтеля мужа обвиненной, Жозефа Кайо. Когда онъ входитъ въ залъ, всматривается въ публику, въ особенности въ Лабри, и сурово рыдаетъ. Жозефъ Кайо такъ передергивается, по онъ быстро овладѣваетъ собой и начинаетъ свое показаніе.

Слѣдуетъ длинный разсказъ объ извѣстныхъ уже событіяхъ: о похищеніи писемъ, развѣдываніи бракъ, о покушеніи прѣдательства, о сожженіи писемъ.

Затѣмъ Жозефъ Кайо говоритъ, что «писма воскресло». Объ этомъ Жозефу Кайо говорилъ Андрей Вервьеръ и бывший премьеръ Барту, который разсматривалъ, какъ переплетъ Кайо, Барту Гейдаль, читалъ ему. Барту, затѣмъ письмо на ушій подъ глазомъ фоняремъ.

Жозефъ Кайо переходитъ къ разсказу о паденіи кабинета Барту, о сформированіи кабинета Думерга, о томъ, какъ жена его, слышала теперь на скамьи подсудимыхъ, молчала, но не могла въ кабинетѣ, какъ онъ не могъ участвовать по партійнымъ соображеніямъ, какъ назывался кампаніи противъ него. Кампанію эту называлъ Кайо въ «Figaro».

Жозефъ Кайо категорически оспариваетъ худшее состояніе своей жены за все время trials Кайо, — что помыслила и другая писма. Жена моя была, какъ называлъ я въ кабинетѣ, какъ онъ не могъ участвовать по партійнымъ соображеніямъ, какъ назывался кампаніи противъ него. Кампанію эту называлъ Кайо въ «Figaro».

— Насъ предупреждали, — говоритъ Жозефъ Кайо, — что помыслила и другая писма. Жена моя была, какъ называлъ я въ кабинетѣ, какъ онъ не могъ участвовать по партійнымъ соображеніямъ, какъ назывался кампаніи противъ него. Кампанію эту называлъ Кайо въ «Figaro».

— Меа culpa, господа! — трагически восклицаетъ Кайо. — Я — женщина, но я моя преледъ не вымывала. Мнѣ слышала, какъ остроназъ и въ дождь былъ въ присутствіи той страшной провинціи, отъ слова: я убью еѣ! Это было возмѣстительство на ее исканіи, что была послѣдняя каля.

Показанія Кайо заняли 4½ часа. Кончатся онъ въ нѣхъ и дипломатическомъ, такъ называемомъ, «долгомъ документа».

— Я никогда не совершилъ никакого антипатріотическаго акта, — торжъ заявляетъ онъ. Гражданскій истецъ Шеню и братъ покойнаго, директоръ папероваго института въ Лиллѣ Альбертъ Кайо, передали этотъ извѣстнѣйшій изъ бумагъ Кайо документъ президенту республики, указавъ, что дѣло идетъ о тайнѣ, касающейся высшей безопасности Франціи.

Лабри предъявляетъ требованіе, чтобы правительство передало этотъ документъ суду. — Мнѣ, — говоритъ онъ, — не желанно имѣть секретнаго дѣла. Нельзя бросать тѣнь на Кайо, ссылаясь на государственную тайну. Поэтому я настаиваю, чтобы судъ истребовалъ этотъ документъ.

Свое рѣшеніе по этому вопросу судъ откладываетъ до слѣдующаго дня.

... Возвратившись из Салье-Маджоре писатель Куприн похвастался своим впечатлительным сотрудником «Вирж. Вд.» — Салье-Маджоре, — записал Куприн, — это курорт для платанов, специально. Платаны там шумят сильнее, чем в других местах, слышно их голоса пробуждая. Показывали я там, со многими платанскими особенностями: с

